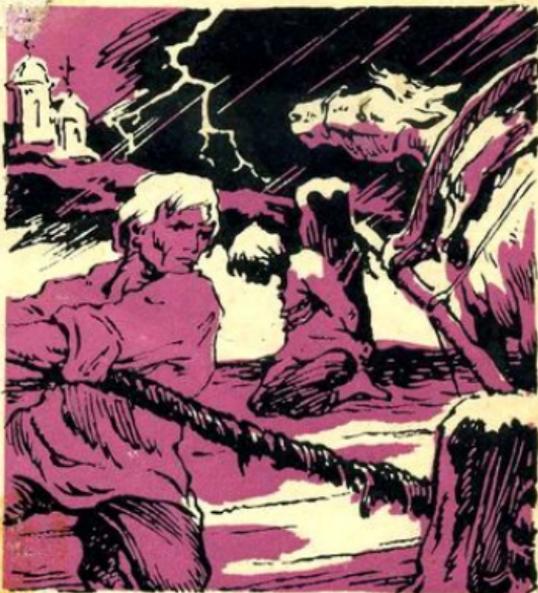

КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. С. Серафимович

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

*Издательство
„Детская литература“*

Зурин

Александр Серафимович
Серафимович

Воробьиная ночь

В этой книжке вы прочтёте два рассказа А. С. Серафимовича — «Воробьиная ночь» и «Лесная жизнь». В них он изобразил детей бедняков царской России, рано начинавших тяжёлую трудовую жизнь.

Содержание

#1	0006
К читателям	0006
Воробьиная ночь	0008
Лесная жизнь	0030

Александр Серафимович
ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ
Рассказы

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

РАССКАЗЫ

Рисунки А. Короткина

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

К читателям

В 1889 году в газете «Русские ведомости» был напечатан интересный рассказ «На льдине». Подписчики газеты с волнением читали о том, как помор-охотник Сорока отправился на промысел за тюленями, как, стараясь добыть побольше зверя, чтобы хватило и заплатить долг кулаку-хозяину и прокормить семью, Сорока не заметил, что льдина, на которой он нашёл стада тюленей, оторвалась и поплыла в море. И несчастный охотник погиб во льдах Северного моря.

Рассказ «На льдине» был первым напечатанным произведением Александра Серафимовича Серафимовича. Автору было тогда двадцать шесть лет (он родился в 1863 году), и он находился в ссылке на далёком Севере, куда его за участие в революционной борьбе отправил царское правительство.

С тех пор целых шестьдесят лет, до последнего года своей славной, боевой жизни (Серафимович умер в 1949 году), писатель-коммунист неустанно трудился. В своих рассказах очерках он изобразил тяжёлый труд рабочих

и крестьян в царской России, революционную борьбу трудящихся и их великую победу в Октябре 1917 года. Он рассказал о героической гражданской войне; о том, как строилась у нас новая, социалистическая жизнь; о том, как защищали советские люди свою Родину от захватчиков-фашистов в годы Великой Отечественной войны.

В этой книжке вы прочтёте два рассказа А. С. Серафимовича — «Воробьиная ночь» и «Лесная жизнь». В них он изобразил детей бедняков царской России, рано начинавших тяжёлую трудовую жизнь.

Воробьиная ночь

За далёким лугом только что проснулась узенькая красная полоска зари. В синеватом сумраке всё больше светлела широкая река.

У самого берега подымалась гора; по горе лепились домики; наверху белела церковь. Под горой у берега чернели паром и лодки. А на берегу, возле парома, стоял маленький дощатый домик.

В комнате, на полу, на полсти[1] спал па-

ромщик Кирилл, бородатый чёрный мужик, а в углу на соломе свернулся калачиком мальчик лет десяти, Вася, подручный Кирилла, придвинув к подбородку колени.

По извилистой пыльной дороге с горы спускались две подводы, и лошади упирались, сдерживая накатывавшиеся повозки. На подводах были высоко наставлены большие решётчатые ящики, а в них тесно сидели гуси, куры, утки, покачивались, беспокойно вертели головами, поклёвывали друг друга и на толчках испуганно вскрикивали и начинали беспорядочный птичий разговор:

«Куда нас везут?.. Ой, как тесно!.. Ну, не клюй меня. Ах, сколько воды, вот бы поплавать, поплескаться, вдоволь напиться... Как бы это выскочить отсюда...» — и просовывали головы сквозь решётки.

Но решётки были узкие, и выскочить нельзя.

С передней подводы соскочил высокий парень, заправил вожжи под сиденье, крикнул на лошадей, которые, прижав уши, стали было кусаться: «Но-о, балуй!..» — и пошёл к домику, похлопывая кнутом по пыльным сапогам.

В домике было тихо.

— Эй, кто там!.. Паромщик, переправа! — и постучал кнутовищем в тёмное оконце.

Никто не откликнулся.

С другой подводы прошамкал старик:

— Спят, видно, не слышат. Грохни-ка в дверь.

Парень подошёл к двери и загремел кольцом:

— Слышь, что ль! Давай переправу.

Кирилл поднял чёрную лохматую голову:

— Эй, Васька, слышь, ступай перевези, — и лёг.

Мальчик вскочил, потёр глаза, потянулся и опять упал на солому — мучительно хотелось спать.

— Ты чего же вылёживаешься? Ждут, — сказал Кирилл, не поднимая головы.

Мальчик опять вскочил, поддёрнул штанишки, снял со стены ключ и без шапки, босиком вышел.

За лугом сквозь лёгкие тучки краснелась заря, отражаясь в реке. Над водой курился лёгкий пар.

Мальчика передёрнуло от утренней свежести.

сти, и он побежал к парому, шлёпая по мокрому песку босыми ногами; нагнулся и стал ключом отмыкать цепь, которою на ночь примыкался паром.

Сзади захрустел мокрый песок под колёсами и копытами — подводы подъехали к парому.

— Кто же паром погонит?

Мальчик поднял голову: над ним стоял длинный, как жердь, парень и смотрел одним глазом, другой был затянут бельмом, а в ухе блестела серьга. Подводки стояли одна за другой.

— Я.

— Куда тебе... От земли не видать, что ж старшой не идёт?

— Я могу, гоняю, а вы, дяденька, поможете...

— То-то, поможете...

Парень сердито дёрнул лошадей, и они, топоча по доскам и косясь на воду, ввезли подводу на паром. Другой подводчик ввёл вторую пару лошадей. Вася глянул на него испуганно и не мог оторваться: у него не закрывались губы, старчески пустой рот чернел, и

сбоку из-под клочковатых седых усов выглядывал жёлтый клык.

«Это разбойники!» — подумал мальчик и стал торопливо отвязывать от столба конец верёвки.

Парень взял шест и, напружинившись, оттолкнул паром от берега. Мальчик ухватился за канат, уходивший в воду, и стал тянуть. Стали тянуть парень и старик. Паром повернулся носом и быстро пошёл наискось к другому берегу, оставляя за собой на светлой воде убегающий след.

«Куда они птицу везут? — думал мальчик, — на ярманку рано ещё; в город — так им надо на гору ехать. Непременно разбойники. В прошлом годе так-то у дяди Силантия свиней ограбили, а на той стороне порезали. Ишь, никто так рано не уезжает. И серьга в ухе».

Мальчик искоса посмотрел на парня: он, не обращая внимания, перехватывал длинными, как у большой обезьяны, руками канат, с которого бежала вода. Особенно страшного ничего в нём не было, но уверенность, что это — разбойники, почему-то ещё больше

засела.

А на старика, тоже перебиравшего мокрый канат, он и взглядывать боялся: когда взглядывал, на него смотрел провалившийся чёрный рот и большой жёлтый клык.

«Нет, разбойники...»

— Ну, ну, цыплок! Поворачивайся... В воду тебя спихнуть, что ли... — сказал парень и злобно блеснул белым, мёртвым глазом.

«Они меня спихнут в воду, чтоб не рассказывал, что видал, как с краденой птицей ехали».

И, нагнувшись, что есть силы стал тянуть канат, чтоб скорей добраться до берега. А берег уже вот он. Паром ткнулся в песок. Лошади от толчка пере-ступили с ноги на ногу. Мальчик радостно прыгнул на песок и заматал конец верёвки от парома за столб.

Парень свёл своих лошадей, старик — своих; некоторое время они беззвучно шагали по песку рядом с лошадьми. А когда выехали на крепкую дорогу, сели и уехали.

Мальчик с облегчением посмотрел им вслед.

«Ну, наконец!.. А непременно разбойники.

Ишь, как погнажи лошадей».

А солнце уже вошло и радостно осветило реку, тот берег, дома, лепившиеся по обрыву, и белую церковь на горе. За речным поворотом чуть таял белый дымок — пароход шёл.

— Эх, хорошо искупаться!

Это было великое искушение — так ласково мыла здесь светлая вода жёлтый, чистый песочек и стреляли в разные стороны крохотные рыбки.

Мальчик вздохнул и стал отвязывать от столба верёвку, — нельзя купаться, увидит Кирилл, высечет. С усилием отпихнул паром и стал тянуть за мокрый канат. Трудно. Тяжёлый паром еле-еле ползёт, а река широкая. Если подъедет кто, Кирилл будет сердиться, что долго гнал паром. И мальчик изо всех сил тянет медленно скользящий канат.

А кругом рыбы весело и взапуски пускают по воде расходящиеся круги, как будто и они радовались и утру, и солнцу, и тишине, а некоторые выскакивали на секунду из воды, точно хотели посмотреть, что тут делается.

Вася стал уставать, тяжело дышал, перестал смотреть кругом, а, нагнув голову, что

есть силы тащил канат, и пот капал с красного пылающего лица.

Когда паром подошёл к берегу, из домика вышел Кирилл, чёрный, косматый, и сказал, насунув на глаза чёрные брови:

— Что долго так? Ишь, цельный час паром гнал. Либо купался там? Гляди, кабы кнут по тебе не погулял.

Очень мальчику хотелось сказать Кириллу, что он сейчас перевозил разбойников, да побоялся, не сказал.

А уже с горы спускались подводы к перевозу. Начинался рабочий день. Кирилл пошёл гонять паром и крикнул:

— Берись за конопатку, Васька, да чтоб к обеду кончить!

Вася сходил в домик, взял молоток, долото, пакли, взял с полки ломоть хлеба и, жуя, подошёл к опрокинутой на берегу вверх дном лодке и, всё кусая хлеб, стал забивать паклей разохшиеся щели в боках и в днище лодки.

Вася... стал забивать паклей разохшиеся щели в боках и в днище лодки.

Он делал это ловко, постукивая молотком

по рукоятке долота, — за лето всему научил-

ся.

Ещё ранней весной привела Васю мать из дальней деревни к Кириллу и сказала:

— Кирилл Иванович, вы уж не обидьте моего.

А Кирилл нахмурил брови:

— За хлеб возьму, а больше ничего.

Вдова всхлипнула:

— Хоть полтинник за лето положьте ему.

— За хлеб, и больше ничего. Какая с него польза?

Мал. Только что лодку перегонит с одной стороны на другую. Хочешь, за прокорм оставляй, больше ничего не дам.

Так и остался мальчик.

Постукивает Вася молотком, а сам прислушивается к весёлому гомону на берегу. Бабы вальками хлопают по мокрому белью. Покрикивают мужики, купая лошадей. Лошади плавают, храпят и вскидываются в воде на дыбы.

С завистью смотрит Вася на бегущих с горы ребятишек. Они на бегу стаскивают с себя рубашонки и кидаются в воду. Брызги, сверкая, летят столбом. Крик, визг, смех — весело. А Вася всё постукивает да постукивает молот-

ком по долоту, забивая в щели паклю, — к обеду надо кончить, а то рассердится Кирилл.

Прокричал пароход и, шлёпая колёсами, протащил мимо грузные баржи.

Солнце подымалось выше, и река становилась жаркой. Больно было смотреть от блеска. Воздух дрожит и колеблется. Ах, как хорошо бы теперь искупаться!..

К вечеру душно. Всюду стоит сухая, горячая мгла, и от неё всё неясно и смутно. Ласточки носятся над самой водой, чертя крылом.

Когда багровое солнце стало садиться за далёкие вербы, Кирилл кликнул:

— Кончил?

— Кончил.

— Ишь ты, прокопался до вечера! Ну, я пойду по делам, а ты оставайся, да никуда не уходи. Теперь езды мало. А ежели с той стороны покричат парому, переезжай на ту сторону на лодке, возьми мужика, переправишь сюда, с ним отсюда и перегоните паром, а то один ты долго прокопаешься. Да теперь никто и не поедет. — Он поднял голову и посмотрел на мглистое небо, по которому бежа-

ли сизыми ключьями тучи.

— Дяденька, я боюсь, как бы ночью гроза не вдарила.

— Ну, боится! Нежно воспитанный. Ничего! Никто тебя не укусит!

Кирилл ушёл. Мальчик остался один.

Быстро темнело. Пропал другой берег. Гора смутно чернела, и на ней белым, едва уловимым пятнышком обозначалась церковь.

На берегу водворилась тишина — ни шороха, ни вдоха, только чудилось, молчаливо мелькают над потемневшей водой ласточки.

Где-то глухо погромыхало, как будто большой телегой проехали по мосту, но моста не было. Опять тишина.

Мальчик пошёл было в домик, да жутко одному в темноте. Он вышел и примостился на берегу под опрокинутой лодкой.

Он... примостился на берегу под опрокинутой лодкой.

Возле неподвижно чернел паром, а под ним чёрным блеском чуть проступала вода.

Опять кто-то проехал на телеге, глухо ворча. Мальчик весь съёжился и подобрал под

себя босые ноги.

Вдруг над лодкой зашумело, засвистело, сыпнуло в глаза песком и понеслось по невидимой реке. В бока парома заплескала мелкая торопливая волна, и беспокойно застучала в помост привязанная верёвкой лодка.

На минутку снова стихло, только неуспокоенная волна билась о паром.

«Господи, чего же я тут буду делать!..» — подумал мальчик, вглядываясь в темноту и боясь в неё глядеть.

Ветер бешено загудел. Река зашумела сердито и грозно. Слышно, как отчаянно билась, стараясь оторваться с привязи, лодка. Мальчик боязливо прислушивался, не загремит ли гром, но гром больше не гремел, а лишь стоял гул ветра да шум реки. Сквозь этот шум почудилось:

— Па-ро-му-у!..

Будто слабо донеслось с той стороны.

Мальчик вытянул шею и напряжённо стал слушать. Нет, видно, показалось, — только ветер один визжал: вввж-ж...

Сверху на опрокинутое дно лодки упало несколько крупных капель, и вдруг дождь забарабанил громко и часто, да сейчас же пере-

стал, и лишь ветер да река сердито ворчат в темноте.

И опять сквозь шум:

— Па-ро-му-у!..

Мальчик притиснулся к лодке:

«Нет, ни за что не поеду, — это мне по-притчилось. Кто в этакую ночь поедет?..»

Молния широко осветила реку, и дальние вербы, и паром, и белую церковь на горе, а на другом берегу две подводы и двух человек — один высокий, другой низенький.

Молния потухла, и всё потухло в крошечной темноте. Мальчик стал дрожать: ему вспомнилось, как утром перевозил двоих — один высокий, другой низенький.

Снова теперь явственно донеслось:

— Да-ва-ай па-ро-о-му-у!

Мальчик, весь трясясь, закричал:

— Дяденька Кирилл, я боюсь!..

В ответ только свистел ветер да шумела река.

Опять донеслись с того берега крик и брань. Мальчик выбрался из-под лодки, и ветер разом затрепал его рубашонку.

Мальчик заплакал.

— Дяденька Кирилл будет меня би-ить!..

Он подошёл к смутно черневшей, бившейся у пристани лодке и, плача, дрожащими руками стал развязывать верёвку.

— И куда я поеду... Темень, не видать... ы-ы-ы... дяденька Кирилл, куда мне ехать, страшно!..

А с того берега всё доносилось:

— Парому-у!..

И ветер рвал лодку, а она, качаясь и прыгая, рвала из рук верёвку.

Мальчик ухватился за качающийся борт и прыгнул. Лодка встала, как лошадь, на дыбы, и сразу пропали в темноте черневшие паром и берег, — течение и ветер подхватили и понесли крутившуюся лодку.

Мальчик изо всех сил работал вёслами и перестал плакать — не до слёз было. Пот градом лился с него. Лодку качало и швыряло, как игрушку. То одно, то другое весло глубоко зарывалось в невидимые волны или моталось в воздухе, не касаясь воды.

Неизвестно, куда несло, где был берег, пристань. Мальчик вдруг понял, что он бесполезно бьётся среди этой темноты. Он оставил

вёсла, кинулся на скамейку и горько зарыдал, — пусть несёт, пусть опрокинет и он утонет, всё равно ему не выбраться отсюда.

Лодку приподняло, накренило и с размаху ударило о берег раз и два, — а мальчика выкинуло. Он упал на мокрый песок, и волны, шипя, обдавали его. Он на четвереньках отполз от воды и поднялся. Где он? На каком берегу? Где пристань, домик, паром? Куда идти? Кругом ветер, свист и шум, и плеск волн.

Мальчик сел на корточки, — с него бежала вода, — и опять стал плакать:

— Дя-день-ка-а Кирилл!..

Снова молча загорелась широкая синеватая молния и, как днём, всё до последней песчинки озарило ярким трепещущим светом: паром, пристань, домик были в пятидесяти шагах, а взбудораженные волны реки с секунду оставались неподвижными. Потом всё потухло, и темнота стала ещё гуще.

Вася обрадованно пустился бежать и, когда добежал, услышал опять:

— Па-ро-о-ому-у!..

«Надо ехать... Лодку унесло. Поеду на пароме... Его не унесёт, он на канате...»

Мальчик в темноте отвязал паром, с трудом оттолкнулся от берега шестом и схватился за канат, но сразу отдёрнул руку, — ветер и течение с страшной силой подхватили и понесли паром, и канат мелькал с такой быстротой, что нельзя было за него хвататься, иначе он мог сдёрнуть в воду.

Маленький паромщик ждал, что будет. По качке он почувствовал, что паром идёт всё тише и тише, наконец совсем остановился, и его стало бить на месте. Где он? Далеко ли берег, — нельзя было сказать.

Мальчик стал тянуть канат, но он натянулся, как струна, и дрожал, не сдвигаясь ни на вершок.

Мальчик стал тянуть канат...

А волны подымали и били паром. Казалось, вот-вот лопнет страшно натянувшийся канат, и волны подхватят и опрокинут паром.

Молчаливая молния снова озарила мохнатые изорванные тучи, туго натянувшийся углом над рекой канат и посреди реки паром, бившийся и старавшийся сорваться с каната.

Но что было всего страшнее, так это на

другом берегу две подводы и два человека — один высокий, другой низенький. Низенький стоял, возле лошадей, а высокий у самой воды. А когда молния молчаливо вспыхнула опять, на берегу стояли две подводы, лошади и низенький.

Мальчик в страхе стал изо всех сил тянуть паром назад к домику, но паром тяжело бился на вытянувшемся канате, не сдвигаясь с места.

Молчаливая молния чаще и чаще разгоняла тьму, и видно было, как стали летать воробьи.

«Воробьиная ночь...» — подумал с отчаянием мальчик.

В ту же секунду он увидел ухватившиеся за край парома две длинные, голые, мокрые руки. Потом из-за края показалась голова с прилипшими волосами, с них бежала вода, и глянул белый, мёртвый глаз.

В смертельном ужасе мальчик закричал:
— Ма-а-ма!.. ма-аму-уня!.. пропадаю... ма-аму-уня...

Он бросился к противоположному краю парома и, закрыв глаза, ринулся вниз. В ту же

секунду длинные, мокрые, костлявые руки обвили вокруг него и поволокли на паром. Мальчик рвался изо всех сил, только шепча: «Мама!., мама!..» И вдруг почувствовал: верёвка несколько раз обвилась вокруг его тела и прикрутила его к столбику, а над ним кто-то сердитым голосом бормотал.

Мальчик потерял сознание.

Когда он очнулся, паром не качало. Стуча по настилу, съезжали на берег подводы. Возле, при свете загорающейся молнии, виднелся домик.

Кто-то поднял Васю и внёс в комнату. Вздули огонь. Васю осторожно положили на солому. Старичок с незакрывающимся ртом наклонился над ним и сказал добрым старческим голосом:

— Сомлел, сердяга. Ну, ничего, парень, вырастешь, крепче будешь.

И выставившийся изо рта жёлтый зуб у дедушки глядел добродушно и незлобиво.

А высокий закурил сигарку и глянул на мальчика добрым белым глазом:

— Ну, молодец парень, — до середины реки догнал паром. А то бы мне пришлось

плыть через всю реку.

Вася, чувствуя радостное облегчение, сказал:

— А я думал, дяденька, вы разбойники.

— Разве такие разбойники? — сказал длинный, с бельмом.

— Мы, внучек, курей покупаем для заграницы, всякую птицу, и гусей тоже, и уток.

— Это твой Кирилка разбойник, — сказал длинный, затягиваясь сигаркой, — сам пошёл бражничать, а мальчонку заставил по ночам паром гонять.

А Вася ничего не слышал, но только одно чувствовал — какой он счастливый, и радостно улыбался.

Лесная жизнь

В лесу стояла та особенная тишина, которая бывает только осенью. Неподвижно висели мохнатые ветви, не качалась ни одна вершина, не слышалось ничьих шагов, лес стоял молча, задумчиво, прислушиваясь к своей собственной вековой думе.

И когда, отломившись от родного дерева, мёртвая, сухая веточка падала, переворачива-

ясь и цепляясь пожелтевшими иглами за живые, зелёные, чуть вздрагивающие ветви, было далеко слышно.

Вверху не было видно печального северного неба, хмурой ратью закрывала его густая хвоя, и, как колонны, могуче вздымались вверх красные стволы вековых сосен. И покой безлюдья царил, точно под огромным тёмным сводом меж молчаливых колонн, над мягкими коврами прошлогодних игл.

Между стволами, которые сливались в сплошную красную стену, мелькало что-то живое. Кто-то беззвучно шёл, и прошлогодняя хвоя, толсто застилавшая землю, мягко поглощала шаги. Сосны расступались и сзади опять смыкались в сплошную красную стену. Но когда нога попадала в тонко затянутую ледком лужицу, далеко, испуганно нарушая тишину, раздавался звонкий треск.

Мальчик лет двенадцати, туго подпоясанный узким ремнём, за которым торчал топор, в огромных, должно быть отцовских, сапогах, наклонялся, приседал на корточки, что-то цеплял за ветки и стволы, и когда шёл дальше, позади на земле оставался целый ряд во-

лосяных петель и в них краснели прицепленные ягоды. Мальчик ставил силки, внимательно запоминая местность в лесном лабиринте.

Молчаливый лесной сумрак посветлел в одной стороне, и меж деревьев блеснул водный простор. С крутого песчаного берега открылось озеро. Необозримо уходило оно, отодвинув леса до синего горизонта, и изумрудно-зелёные острова бесчисленными стаями покрывали светлое лицо его. Узкими протоками оно тянулось в другие, соседние озёра, на сотни вёрст растянувшиеся по угрюмому, суровому, молчаливому краю, с одной стороны которого катило тяжёлые холодные волны Белое море, с другой — морозной мглой дышали ледяные поля Северного океана.

Бесчисленные стада уток, гусей, лебедей, нырков и всякой пролётной водяной и болотной птицы с криком, шумом и гамом возились на воде, шумно подымались густыми, чернеющими тучами, заслоняя и воду, и далеко синеющий лес, и изумрудные острова, и далеко тянулись вереницами.

Мальчик с минуту постоял на берегу и

пронзительно два раза свистнул. Озеро ожило. Как будто множество спрятавшихся людей засвистало и отозвалось со всех сторон, и над водой, всё ослабляясь, понеслись замирающие тонкие звуки. Птица рванулась, взрывая воду, шумом заглушая умирающее эхо.

— Стало быть, не пришёл, — проговорил мальчик, вынул из-за пояса топор и стал рубить деревья, сваливая в воду возле берега.

Он работал ловко и быстро; сочные щепы летели из-под топора, и эхо, не умолкая, с разных сторон повторяло удары.

— А-ах, холодная... — проговорил мальчик, пожимаясь, когда, скинув сапоги и засучив шаровары, полез в воду, которая, как ножом, резала острым холодом.

И, торопливо стаскивая с обрубленными ветвями стволы, стал вязать гибким тальником плот. Через минуту стянутые вместе брёвна неуклюже высовывались из водного зеркала.

Через минуту стянутые вместе брёвна неуклюже высовывались из водного зеркала.

Мальчуган перенёс на плот пук волосяных

силков и суму с хлебом, упёрся шестом, и плот, сдвинувшись тихонько, поплыл от берега. Длинные травы колебались и тянулись в прозрачной холодной воде, цепляясь и обвиваясь вокруг шеста. Птицы с неумолкаемым шумом без перерыва подымались с озера, как будто сама вода рождала их из глубины, и всё больше и больше чернеющая косая туча их заслоняла и лес, и небо, и синеющую даль.

Далеко отошёл берег, и кругом необозримо расстилалось серебряное зеркало с висевшими в глубине его облаками, печальным, серым небом и опрокинутыми прибрежными лесами. Шест перестал доставать дно, которое далеко внизу виднелось сквозь чистую, как слеза, воду, и мальчик, крепко упираясь посинелыми от холода ногами, бурлил шестом, работая как веслом.

Низкое, холодное солнце передвинулось к самому лесу, когда плот ткнулся в берег острова. Мальчик обулся и пошёл в лес.

На стволах сосен белели зарубки, которые он сделал несколько дней назад. Лес был глухой, угрюмый, без тропок, без следа человеческого, но мальчик шёл легко и уверенно, по-

глядывая на белые отметины. В чаще возле кустарника неподвижно висела птица, свесив крылья и вытянув вверх шею. Тонкая волосяная петля, захлестнутая за ветку, туго стягивала шею.

Мальчик высвободил мёртвую птицу и бросил в мешок. По мере того как он шёл, мешок наполнялся птицами, которых он вынимал из силков.

Между кустарниками быстро мелькнуло и пропало пушисто-красное. Мальчик бросился туда. На ветке неподвижно висела полубо́е́денная птица.

— Ах-х, ты!.. — сердито проговорил мальчик, осматривая объединённую птицу и лисьи следы под деревом. — Ладно, ужо приготавлию тебе гостинца!

Все остальные силки оказались пустыми или в них торчали одни объединённые головы и шеи.

Надо было собираться назад. Солнце село. Мрачно и угрюмо стояли сосны. Стояла неподвижная, полная таинственности тишина. Мальчик торопился выбраться к озеру, но лес упорно держал его, и всё глуше и темнее ста-

новилося кругом. Тяжѣлый мешок тянул плечи, под ногами испуганно хрустели сухие веточки, и потом опять сапоги беззвучно-мягко ступали по хвое, и угрожающе сгущалась темнота, сливая деревья в одну таинственную сплошную массу.

«Как бы не заблудиться!» — тревожно мелькнуло в голове, и он напряжѣнно всматривался, но белевших прежде зарубок уже не было видно.

Наконец темнота слегка раздвинулась, и тѣмным блеском едва блеснула у берега вода. Мальчик прислушался: над потонувшим в темноте озером стояла такая же мѣртвая тишина, как и в лесу, только дышало оно мраком, холодом и сыростью.

Он стал ходить по берегу, разыскивая плот, но везде был всё тот же пустынный, молчаливый берег, так же едва поблѣскивала чѣрная вода и стояла дышавшая холодом и сыростью тишина.

— Ок-казия!.. Что будешь делать!..

Мальчик прошѣл немного в лес, стал на колени, нащупал вылезавший из земли смолистый корень, вырубил его, высек кремнѣм ог-

ня, зажѣг корень и помахал, чтоб разгорелся.

Багровое пламя, струясь и колеблясь, дымно бежало, и в лесу трепетно забегали тени, и в багрово вспыхнувшей воде отразились покрасневшие вершины сосен.

Недалеко показался из красной воды угол плота.

Мальчик загасил огонь. И разом водворилась кромешная, непроглядная, чернильная тьма. Мальчик сложил на плот мешок с птицами, с провизией, обгоревший корень и оттолкнулся шестом.

Шест уходил всё глубже и глубже, переставая доставать дно.

Шест перестал доставать дно...

Бурлила вода. Плот тихо и беззвучно подвигался вперѣд среди немой тишины, среди непроглядного мрака.

Словно мѣртвое, заколдованное царство простиралось вокруг на сотни вѣрст, и не слышно было человеческого голоса, ни всплеска рыбы, ни писка птиц. Шест бурлил, не доставая дна, и пенил невидимую воду, и тихонько колыхался плот, заброшенный и

одиноким среди пустынного водного простора, среди холодного ночного мрака.

— Что ж это, никак к берегу не прибьёшься...

Мальчик тревожно стёр пот со лба и оглянулся: даже краёв плота не видно. Поднял голову — та же густая, непроницаемая, молчаливая темь, ни одной звезды.

— Аххх ты, бож-жа мой!.. хлопнул себя по бёдрам, поплёвывая на руки, и опять принялся работать шестом.

Время уходило, стали ныть руки и плечи, а кругом всё та же молчащая, холодная ночь, всё так же неизвестно где блуждающий плот. И это огромное молчание холодной, мёртвой темноты стало заползать в сердце тоской и отчаянием. Хоть бы крик, хоть бы всплеск! Ни одного живого существа.

Теперь он уже не представлял себе, где берег, к которому он ехал, и где тот, от которого отчалил. Всё одинаково кругом безмолвно-мертво. Работал наугад, лишь бы не остаться без дела и не отдаться отчаянию.

Брёвна от постоянной работы колыхались и стали расходиться под ногами. Наскоро свя-

занный плот готов был развалиться. Мальчик с отчаянием работал, каждую минуту ожидая, что, как ключ, пойдёт между высвободившимися брёвнами в холодную воду и ляжет на далёкое мёртвое дно.

Он сел на корточки, положил шест и... заплакал. Заплакал беспомощными, детскими слезами, потому что в этом огромном чёрном погребе не было выхода.

— Дядька-а Силанти-ий!.. — закричал он тонким, детским голосом.

Тысячу раз повторила ночная темнота: «...а-а-нти-ий-ий...»

В ту же секунду, заглушая умирающее эхо, зашумели тысячи невидимых крыл. Ночная тишина заполнилась непрерывающимся полётом. Мальчик с радостью прислушивался: это были первые звуки, нарушившие давившее мёртвое молчание.

Он торопливо высек огонь и зажёл остаток полуобгорелого смолистого корня. Багровое пламя разом оттеснило темноту и легло светлым кругом, но ничего не открыло, кроме воды. Только упавший в глубину красный свет обманчиво озарил далёкое дно и сонно дрем-

лющих рыб.

Куда плыть? Где берег?

Остаток корня, трещина и капая кипящей смолой, стал жечь пальцы. Мальчик бросил. Зашипев, мгновенно погас огонь. Темнота мертво сомкнулась со всех сторон. Шум крыльев смолк, и снова водворилось в неподвижной темноте неподвижное, мёртвое молчание. Но теперь не было так страшно, — и на воде и в воде было множество живых существ.

Он опять стал наугад работать шестом, осторожно упираясь, чтоб не нарушить связей в брёвнах плота, и вдруг приостановился и чутко прислушался: среди темноты стояла та же тишина, но почудилось лёгкое, почти неуловимое дуновение проснувшегося среди ночи ветерка.

Торопливо и обрадованно мальчик послушал палец и, подняв, стал медленно поворачивать. С той стороны, откуда неуловимо тянул ветерок, в пальце почувствовалось ощущение холода. Быстро схватив шест, стал гнать плот по направлению ветерка. Сердце радостно билось — теперь он уже не будет

кружить по озеру.

Вот о дно стукнул шест. Становилось мельче и мельче. Где-то недалеко берег.

Мальчик изо всех сил налёг на шест, но под ногами закрипели брёвна, лопнули связи, плот разошёлся, и холодная, густая, как кисель, вода охватила по пояс.

В первую секундухватило дыхание. Мучительно холодная, острая вода вливалась за сапоги, за шаровары, и взмокшая рубаха липла к телу. Зубы стучали неудержимой мелкой дрожью. Мальчик схватил сумку с провизией, поднял над головой, прихватил мешок с птицами к поясу и, щупая ногой, стал пробираться среди холодной кромешной темноты. Мельчало. Уже ниже колен пенится и бурлит вода. Наконец — берег.

Он дрожал как лист, и ноги сводило судорогой. Не теряя времени, наломал еловых и сосновых ветвей, высек огня, и костёр весело запыхал, бросая багровый отсвет на воду, на деревья, на печально покачивающиеся, расплывшиеся брёвна плота, и тени трепетали и прыгали между деревьями. Пар валил от мокрого платья.

В лесу кто-то ходил. Под тяжёлыми ступнями ломались ветви, трещал валежник, и чьё-то сердитое урчанье недовольно нарушало ночной покой.

— Шатун... ахх ты... Носит тебя нелёгкая!.. — И мальчик прислушивался к треску ломаемых медведем веток, усердно подбрасывая в разгоревшийся костёр, чтобы отогнать непрошеного гостя.

Огонь огромного костра бушевал, пламя торопливо бежало, и в багровых просветах леса то тут, то там чудились маленькие злые глазки, вытянутая морда, прижатые уши.

Мальчик вложил два пальца в рот, как-то особенно пронзительно свистнул и загоготал:

— О-го-го-го!..

«О-о-о-о-о!» — далеко покатилося и отозвалось вместе со свистом по озеру, и опять бесчисленно зашумели тысячи крыл, и кто-то ходил по лесу, трещал валежник, и чудилось чьё-то сердитое урчанье.

Мальчик поворачивал к огню то спину, то бока, то ноги, пока от них не перестал идти пар. Потом пожевал краюшку хлеба, примостился у огня и... стало ему казаться — из лесу

вышел медведь, оскалил зубы, расхохотался и стал есть в мешке наловленных тетёрок. Поел тетёрок и принялся за мальчиковы ноги, отъел ноги, чихнул, отёр лапой морду, сел на плот и поплыл по озеру. Плывёт по озеру, смотрит на него мальчик, а это не медведь, а дядя Силантий. И будто стоит дядя Силантий и трясёт его:

— Эй, вставай, Митюха, разоспался... Солнце-то где...

Раскрыл Митя глаза, вскочил, видит — солнце поднялось над соснами, залило и лес, и озеро, и острова. А над озером стоит неумолкаемый гам, плеск, стон, и стаи перелётной птицы чёрными вереницами носятся над водой, и возле чуть дышит полупотухший костёр.

— А я думал — медведь.

— Какой медведь?

— Да ночью шатун всё шатался по лесу... Я было пропал на озере вчера — опознал, темь, не видать, куда плыть. Кабы не ветерок, пропал бы: плот-то подо мной расселся.

— Ночью отчаливаешь, огонь на берегу зажигаешь, он и будет означать направление.

— Ах я дурак!.. И верно... А я зажёл смоли-
стый корень да потушил... Ну темь, хоть глаз
выколи, не видать, куда ехать.

Они забрали птицу, заткнули за пояс топо-
ры и отправились домой.

Примечания

Полсть — половик, подстилка.

[^^^]